

18+

СЕМЁН БРОВТМАН

**ВОСПОМИНАНИЕ
О ВОЙНЕ**

Семён Бровтман

Воспоминание о войне

«Издательские решения»

Бровтман С.

Воспоминание о войне / С. Бровтман — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-987772-7

Воспоминание фронтовика о его нелёгкой военной судьбе. Не всем, родившимся в 1919 году и встретившим войну в действующей армии, удалось дожить до победы.

ISBN 978-5-44-987772-7

© Бровтман С.
© Издательские решения

Содержание

П р е д и с л о в и е	6
11 сентября 1941 года	7
22 Сентября 1941	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Воспоминание о войне

Семён Бровтман

© Семён Бровтман, 2020

ISBN 978-5-4498-7772-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

П р е д и с л о в и е

По просьбе внуков своих решил я взяться за перо и вспомнить о том, что довелось мне пережить во время войны.

22 июня 1941 года – в тот день началась Великая Отечественная – я находился на действительной службе в армии. С первых дней войны пришлось участвовать в боях – и под Черниговом, и при обороне Киева...

Но не свое участие в этих сражениях решил описывать я: ведь у миллионов людей была такая участь – биться на Фронте с гитлеровцами. О другом хочу рассказать! О том, что пережил после последнего боя – т.е. с 11 сентября 1941 года, дня, когда я чудом уцелел, а потом вел борьбу за... свою собственную жизнь. Неоднократно я попадал в такие переплеты, что иногда казалось: пришел конец. Много раз, добрые люди помогали мне выжить. Были случаи, когда злые люди старались меня уничтожить. А иногда я попадал в критические ситуации, помимо человеческой воли. Мне кажется, что в то время, были у меня ангелы-хранители, которые сделали все, чтобы я остался живым и мог продолжать свой род.

Свои воспоминания я записал очень сокращенно. Был бы у меня дар писателя, я мог бы написать увлекательнейший роман, столько испытаний выпало на мою долю, столько пережито, прочувствовано, передумано! А так все описанное – лишь десятая часть того, что вместила моя жизнь в те далекие и тяжелые годы.

Прошел я труднейший путь, чудом выбравшись из гигантской мясорубки войны. И больно, очень больно, что после войны были лишения и... принудительная работа на повале леса. Получается, что оказался я без вины виноватым...

Но, несмотря на все трудности и тяготы, испытания и невзгоды, могу твердо сказать: в то время был я счастливым, ибо неоднократно оказывался перед лицом смерти, и гибель шла по моим стопам, но чья та добрая рука в последний и решающий момент отводила от меня меч...

11 сентября 1941 года

Это был 82-й день войны/ оставшиеся в живых бойцы 3-го воздушно-десантного батальона занимали позиции возле местечка Борзна Черниговской области. Получив приказ к наступлению, мы двинулись вперед. Немцы начали артиллерийский обстрел нашей цепи. Вблизи от меня разорвалась мина – осколок ее впился в бедро правой ноги, а взрывная волна сбила с ног, швырнула на землю...

Цепь наших бойцов продвигалась вперед. Ко мне подбежал санитар, перевязал рану и повел к медпункту, который находился на окраине местечка в 500 метрах от нас.

Опираясь на винтовку, поддерживаемый с другой стороны санитаром, я шагал, с трудом преодолевая острую боль в ноге. По пути нам попадалось много раненых. Санитар остался перевязывать их, а мне велел самому добраться до медпункта.

Наконец я дотащился туда. Мне поменяли повязку, дали попить, а затем усадили в полуполторку, сказав, что эта машина скоро отправится в тыл.

И действительно – не прошло и часа / а за это время кузов машины был забит ранеными бойцами до отказа: уж очень велики были наши потери! /, как полуполторка двинулась в путь. Но ехала она не долго – забуксовала.

Лейтенант, руководивший отправкой раненых, приказал, чтобы половина бойцов, находившихся в кузове, пересела в другую машину. Едва я и мои товарищи успели выполнить эту команду, как кто-то истошно закричал:

– Спасайся! Немецкие танки!

Мы увидели их, двигавшихся к расположению медпункта, изрыгая огонь из пушек. Видимо гитлеровцам удалось прорвать нашу оборону...

Шофер машины, в которую мы пересели, буквально рванул с места – полуполторка быстро набрала скорость. Мы, сидя в кузове, видели, как немецкий танк, ударив в бок, перевернул машину, в которой мы находились раньше, проехал по ней, а затем гусеницами стал давить всех, кто находился на площади возле медпункта – и раненых, лежавших на земле в ожидании отправки, и выскочивших из помещения женщин-врачей...

Нам повезло: немецкий танк сделал два выстрела по удалявшейся нашей машине, но, к счастью, не попал. Мы ехали по направлению к г. Прилуки. Там находился госпиталь. Расстояние до него было немалое – почти за два дня / с небольшой остановкой на ночлег / мы добрались туда. Было это на исходе 12-го сентября.

Врачи в госпитале тщательно обследовали меня, сделали операцию – удалили из бедра осколок фашистской мины. Потом мне выдали справку об эвакуации в тыл – требовалось лечение.

Все помещения госпиталя были буквально забиты тяжелоранеными. Поэтому тех, кто хоть как-то мог передвигаться самостоятельно – в их числе был и я, разместили на постой по частным домам. Надо было где-то дожидаться отправки в тыл. Но, увы, транспорта мы так и не дождались...

На рассвете на город налетели фашистские самолеты. Госпиталь разбомбили – там под обломками здания, от осколков погибло очень много людей.

Нам приказали своим ходом добираться до станции Прилуки, где были эшелоны для отправки промышленного оборудования и раненых. Нога моя сильно болела, и я еле ковылял вслед за другими. До станции было еще очень далеко, когда меня нагнала подвода. Возчик, видя мои мучения, подобрал меня и подвез к станции.

Здесь я с трудом разыскал офицера, который руководил погрузкой и отправкой эшелонов.

– Первый состав отправится еще не скоро. Ждите! – резко ответил он мне.

Оставалось только ждать.

Рядом с путями, на которых находились железнодорожные составы, в нескольких сотнях метров от них располагались колхозные огороды, многие бойцы, ожидавшие отправки, пошли туда, чтобы «подкормиться», нарвать овощей. С раннего утра я ничего не ел, а путь в тыл предстоял далекий: надо было запастись хоть какой-то едой. Вместе с другими ранеными я, опираясь на палку с трудом доковылял до огорода, чтобы нарвать немного овощей. И только занялся этим, как вдруг услышал гудки паровоза..., поднял голову и увидел: тот самый состав, до отправки которого, по словам офицера, было еще немало времени, начал двигаться. Те из «промышлявших» на огороде, у кого целы были ноги, сломя голову, бросились к отъезжающему эшелону. Многие сумели догнать его и на ходу запрыгнуть в вагоны и теплушки. Те же, кто имел, как и я, ранения ног, остались...

Как же я ругал себя в те мгновения за неосмотрительность: из-за каких-то нескольких штук огурцов и морковок – можно подумать, что они спасли бы меня в долгом пути от голода! – отстать от эшелона! Ведь так случайно можно и в плен угодить – кто знает, что произойдет на фронте в ближайшие

несколько часов. А может, гитлеровцам опять удастся совершить прорыв нашей обороны и их танки вдруг появятся на станции...

Но корил я себя не очень долго. Ибо уже через несколько минут стал свидетелем жуткой картины.

– Воздух! Воздух! – раздались крик

Откуда-то из облаков вдруг вынырнули два немецких бомбардировщика. С диким, раздирающим, душу воем, на бреющем полете они прошли над станцией и бросились догонять уходящий эшелон. И на состав, на крышах которого были нарисованы красные кресты – символ, что в них находятся раненые, обрушился град бомб... Несколько вагонов перевернулись, другие горели – было очень много жертв.

Лишь поздно вечером в путь двинулся второй эшелон. Нам удалось благополучно добраться до станции Гребенки. Она была разбита вокруг горели цистерны с горючим.

Я и еще один раненый двинулись на поиски госпиталя. Город бомбили и нам приходилось укрываться от осколков в развалинах. Когда мы добрались до госпиталя, здесь уже почти не было людей: всех отправляли в тыл. И нас двоих посадили в машину. Ехали мы два дня...

Прибыли, наконец, в какой-то населенный пункт. Раненых разгрузили возле школы – в ней теперь размещался госпиталь. Страшно хотелось есть. Нас не кормили, так как не было продуктов. А потому каждый – кто как мог! – искал для себя пищу.

Я сидел на скамейке и думал, где же найти хоть корку хлеба. Подошел старшина, стал расспрашивать меня: откуда, мол, родом. Я ответил. Тогда он сказал, что и он – жил до войны в Одессе. Старшина по моему виду догадался, что меня мучит голод.

– На, возьми, – сказал он и достал из вещевого мешка два куска хлеба, посыпанных сахаром, и протянул их мне.

– Кушай спокойно здесь. Сиди на скамейке и никуда не отлучайся. Даже, если в туалет приспичит по малой нужде...

Старшина объяснил, что с минуту на минуту должна подойти машина за генералом, который лечился в госпитале. Больше машин не будет. Наши части отступают и немцы, скоро войдут сюда.

Когда подошла машина, старшина приказал мне залезть в нее, чтобы помочь погрузить раненного генерала. Мы ехали как сопровождающие.

Несколько дней машина сновала по дорогам – старшина пытался найти свободный от немцев путь на восток. В конце концов попали в местечко Оржица. Дальше нельзя было двигаться, так как мы были полностью окружены гитлеровцами.

Мы застряли на базарной площади села, забитой машинами и подводами, которые стали отличной мишенью для вражеской авиации и артиллерии. В селе царил паника: все куда-то бежали, что-то кричали. Командиры никак не могли навести порядок. Я выбрался из машины, чтобы узнать куда теперь двигаться. И потерялся в толпе. Услышал, что многие спешат к переправе через реку Оржица. Двинулся туда. Переправы уже не существовало – ее разбомбили. Благо река была не широкая и не очень глубокая. Пришлось вплавь добираться до противоположного берега.

Доплыл. Выбрался на берег. А там было поле, где росла конопля. Побрел вперед – рана стала уже заживать, мог без палки ходить потихоньку. Невдалеке наткнулся на автобус с тяжелоранеными. Зашел в него, там кое-как обсушился...

До самой ночи сзади, в селе, были слышны взрывы. Полыхало зарево – догорали машины на базарной площади. Утром все затихло. Задремал. Проснулся, услышав в конопле звуки выстрелов из автоматов и крики.

Потом выяснилось: это немцы расстреливают тяжелораненых, а тех, кто мог ходить, уводили в деревню Онишки...

22 Сентября 1941

Это было 22-го сентября. В этот день я попал в плен.

Нас поместили в сельском клубе – прямо па полу лежали люди. Не было света. Где-то в стороне, в темноте, переговаривались:

– Во всем, что случилось жида виноваты!

– Да я бы их собственными руками задавил, – в хриплом голосе звучала неприкрытая ненависть.

– Мне легко узнать их я жил среди них и даже, к сожалению, дружил с некоторыми.

– Ничего, утром разберемся, – пробасил первый. Немцы нам только спасибо скажут...

Понял: отныне мне надо быть начеку, опасность мне угрожает не только от фашистов, но и от иных «своих». Здесь оставаться нельзя. Но куда идти, что делать?

Я вышел на улицу, огляделся. Охраны не было на месте: видимо, немцы «отдыхали после успешного дня – к клубу доносились звуки губной гармошки, какие-то песни. Выбрал место в стороне от здания клуба и торопливо зарыл в землю все свои документы. Потом осторожно двинулся вдоль улицы к дому, у которого светилось окошко – там, видимо, кто-то зажег свечку.

Подошел, заглянул в окошко. Увидел за столом старичка. Постучал в дверь. Долго не открывали. Наконец, дверь распахнулась. Старичок с порога угрюмо спросил, что мне нужно. Попросился переночевать. Хозяин увидел, что я дрожу от холода, и пустил в дом. Закрывая дверь на засов, он проворчал:

– Немцы запретили пускать чужих людей.

Тех, кто ослушается приказа, расстрелять обещали... А потом, помолчав, добавил:

– А я возьму грех на душу, укрою тебя, не хочу, чтобы гибли невинные люди только потому, что они другой веры. Лезь на печку, там тепло. Укройся одеялом, ежели кто войдет...

Утром проснулся, услышав в доме чужую речь.

– Есть ли в доме пленные? – говорил переводчик. – Что молчишь, дед?

– Я уже отвечал: никого в доме нету. Можете проверить.

Я затаил дыхание. Но немцы, переговариваясь о чем-то своем, ушли. И только тогда я вздохнул свободнее, а затем мысленно поблагодарил бога за то, что он и на сей раз спас меня от верной смерти. А потом я сказал старику – хозяину дома:

– Спасибо тебе, дед! Доброе у тебя сердце.

– Люди должны помогать попавшему в беду, ответил дед Иван / так звали старика /.

Как узнал старик, всех пленных угнали из деревни. Ушли и немцы.

– Но есть тут людишки, которые могут донести, что ты у меня скрывался. Донесут – плохо будет обоим...

Я было уже решил уходить из деревни. Но дед Иван посоветовал пойти в школу – там, мол, спрячутся такие же, как и я, беглецы.

Нас там оказалось четверо. Я был единственным евреем. Но мы жили, как одна семья. Вместе украдкой пробирались на поле, где недавно кипел бой. Находили там консервы, галеты, печенье и даже шоколад. Тем и питались. А я обнаружил бутылку йода, немного бинтов и вату – это пригодилось для перевязки раны.

Два дня прошли спокойно. А на третий нам не повезло... Неожиданно для нас к школе вдруг подъехала немецкая машина. Офицер, несколько солдат с автоматами и переводчик быстро зашли в здание. Мы не успели скрыться.

Видимо, кто-то из местных донес, что в школе спрячутся пленные... Немцы

проверили нет ли у нас оружия, посадили в кузов машины и повезли в лагерь военнопленных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.